Н. Гумилевъ

Огненный столпъ

«PETROPOLIS»

ИЗ [illegible]
МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА
ГРИГОРЬЕВА

18 - III - 44 г.

Старицыны

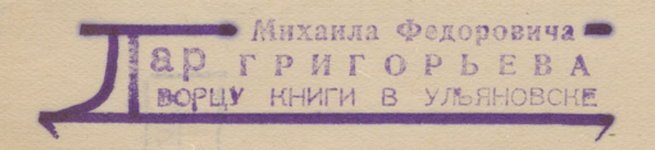
Типографія Зинабургъ и Ко.
Berlin SW 68. Alte Jakobstr. 129

ОГНЕННЫЙ СТОЛПЪ

Н. ГУМИЛЕВЪ

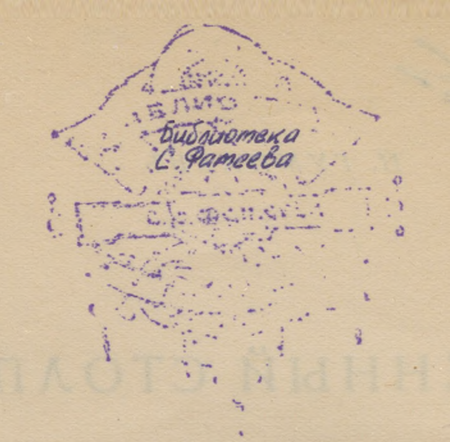
ОГНЕННЫЙ СТОЛПЪ

Второе изданіе

Михаила Федоровича
Дар ГРИГОРЬЕВА
Дворцу книги в Ульяновске

ПЕТЕРБУРГЪ-БЕРЛИНЪ
1922

Настоящее изданіе отпечатано въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ. Изъ нихъ сто нумерованныхъ

Фонд
редких книг

Свердловская
обл. универсальная
научная библиотека
им. В. Г. Белинского

Аннѣ Николаевнѣ

Гумилевой

ПАМЯТЬ

Только змѣи сбрасываютъ кожи,
Чтобъ душа старѣла и росла.
Мы, увы, со змѣями не схожи,
Мы мѣняемъ души, не тѣла.

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, какъ подъ уздцы коня,
Ты разскажешь мнѣ о тѣхъ, что раньше
Въ этомъ тѣлѣ жили до меня.

Самый первый: некрасивъ и тонокъ,
Полюбившій только сумракъ рощъ,
Листъ опавшій, колдовской ребенокъ,
Словомъ останавливавшій дождь.

Дерево, да рыжая собака,
Вотъ, кого онъ взялъ себѣ въ друзья,
Память, Память, ты не сыщешь знака,
Не увѣришь міръ, что то былъ я.

И второй... любилъ онъ вѣтеръ съ юга,
Въ каждомъ шумѣ слышалъ звоны лиръ.
Говорилъ, что жизнь — его подруга,
Коврикъ подъ его ногами — міръ.

Онъ совсѣмъ не нравится мнѣ, это
Онъ хотѣлъ стать богомъ и царемъ,
Онъ повѣсилъ вывѣску поэта
Надъ дверьми въ мой молчаливый домъ.

Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрѣлка,
Ахъ, ему такъ звонко пѣли воды
И завидовали облака.

Высока была его палатка,
Мулы были рѣзвы и сильны,
Какъ вино, впивалъ онъ воздухъ сладкій
Бѣлому невѣдомой страны.

Память, ты слабѣе годъ отъ году,
Тотъ ли это, или кто другой
Промѣнялъ веселую свободу
На священный долгожданный бой.

Зналъ онъ муки голода и жажды,
Сонъ тревожный, безконечный путь,
Но святой Георгій тронулъ дважды
Пулею нетронутую грудь.

Я — угрюмый и упрямый зодчій
Храма возстающаго во мглѣ,
Я возревновалъ о славѣ Отчей
Какъ на небесахъ, и на землѣ.

Сердце будетъ пламенемъ палимо
Вплоть до дня, когда взойдутъ, ясны,
Стѣны Новаго Іерусалима
На поляхъ моей родной страны.

И тогда повѣетъ вѣтеръ странный —
И прольется съ неба страшный свѣтъ,
Это Млечный Путь расцвѣлъ нежданно
Садомъ ослѣпительныхъ планетъ.

Предо мной предстанетъ, мнѣ невѣдомъ,
Путникъ, скрывъ лицо: но все пойму,
Видя льва, стремящагося слѣдомъ,
И орла, летящаго къ нему.

Крикну я... но развѣ кто поможетъ,
Чтобъ моя душа не умерла?
Только змѣи сбрасываютъ кожи,
Мы мѣняемъ души, не тѣла.

ЛѢСЪ

Въ томъ лѣсу бѣлесоватые стволы
Выступали неожиданно изъ мглы,

Изъ земли за корнемъ корень выходилъ,
Точно руки обитателей могилъ.

Подъ покровомъ ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы,

И слѣды въ пескѣ видали рыбаки
Шестипалой человѣческой руки.

Никогда сюда тропа не завела
Пэра Франціи иль Круглаго Стола,

И разбойникъ не гнѣздился здѣсь въ кустахъ
И пещерки не выкапывалъ монахъ.

Только разъ отсюда въ вечеръ грозовой
Вышла женщина съ кошачьей головой,

Но въ коронѣ изъ литого серебра,
И вздыхала и стонала до утра,

И скончалась тихой смертью на зарѣ
Передъ тѣмъ какъ далъ причастье ей кюрэ.

Это было, это было въ тѣ года,
Отъ которыхъ не осталось и слѣда,

Это было, это было въ той странѣ,
О которой не загрезишь и во снѣ.

Я придумалъ это, глядя на твои
Косы, кольца огневѣющей змѣи,

На твои зеленоватые глаза,
Какъ персидская больная бирюза.

Можетъ быть, тотъ лѣсъ — душа твоя,
Можетъ быть, тотъ лѣсъ — любовь моя,

Или можетъ быть, когда умремъ,
Мы въ тотъ лѣсъ направимся вдвоемъ.

СЛОВО

Въ оный день, когда надъ міромъ новымъ
Богъ склонялъ лицо свое, тогда
Солнце останавливали словомъ,
Словомъ разрушали города.

И орелъ не взмахивалъ крылами,
Звѣзды жались въ ужасѣ къ лунѣ,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало въ вышинѣ.

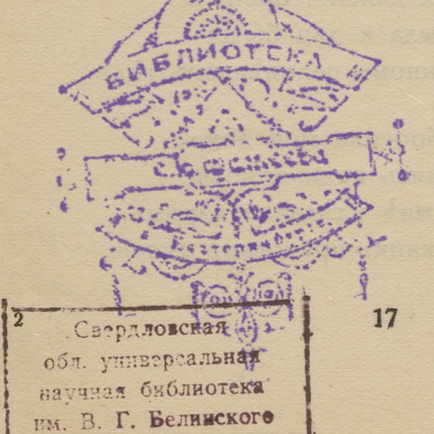
А для низкой жизни были числа,
Какъ домашній, подъяремный скотъ,
Потому что всѣ оттѣнки смысла
Умное число передаетъ.

Патріархъ сѣдой, себѣ подъ руку
Покорившій и добро и зло,
Не рѣшаясь обратиться къ звуку,
Тростью на пескѣ чертилъ число.

Но забыли мы, что осіянно
Только слово средь земныхъ тревогъ,
И въ Евангеліи отъ Іоанна
Сказано, что слово это Богъ.

Мы ему поставили предѣломъ
Скудные предѣлы естества,
И какъ пчелы въ ульѣ опустѣломъ
Дурно пахнутъ мертвыя слова.

и 218435-2

№ 51

ИЗ КНИГ
МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА
ГРИГОРЬЕВА

2 Свердловская
обл. универсальная
научная библиотека
им. В. Г. Белинского

ДУША И ТѢЛО

Надъ городомъ плыветъ ночная тишь
И каждый шорохъ дѣлается глуше,
А ты, душа, ты все-таки молчишь,
Помилуй, Боже, мраморныя души.

И отвѣчала мнѣ душа моя,
Какъ будто арфы дальнія пропѣли:
— Зачѣмъ открыла я для бытія
Глаза въ презрѣнномъ человѣчьемъ тѣлѣ.

— Безумная, я бросила мой домъ,
Къ иному устремясь великолѣпью.
И шаръ земной мнѣ сдѣлался ядромъ,
Къ какому каторжникъ прикованъ цѣпью.

— Ахъ, я возненавидѣла любовь,
Болѣзнь, которой всѣ у васъ подвластны,
Которая туманитъ вновь и вновь
Міръ мнѣ чужой, но стройный и прекрасный.

— И если что еще меня роднитъ
Съ былымъ мерцающимъ въ планетномъ хорѣ,
То это горе, мой надежный щитъ,
Холодное презрительное горе. —

II

Закатъ изъ золотого сталъ, какъ мѣдь,
Покрылись облака зеленой ржою
И тѣлу я сказалъ тогда: — Отвѣть
На все провозглашенное душою. —

И тѣло мнѣ отвѣтило мое,
Простое тѣло, но съ горячей кровью:
— Не знаю я, что значитъ бытіе,
Хотя и знаю, что зовутъ любовью.

— Люблю въ соленой плескаться волнѣ,
Прислушиваться къ крикамъ ястребинымъ,
Люблю на необъѣзженномъ конѣ
Нестись по лугу пахнущему тминомъ.

И женщину люблю... когда глаза
Ея потупленные я цѣлую,
Я пьяно, будто близится гроза,
Иль будто пью я воду ключевую.

— Но я за все что взяло и хочу,
За всѣ печали, радости и бредни,
Какъ подобаетъ мужу, заплачу
Непоправимой гибелью послѣдней.

III

Когда же слово Бога съ высоты
Большой медвѣдицею заблестѣло,
Съ вопросомъ — кто же, вопрошатель, ты? —
Душа предстала предо мной и тѣло.

На нихъ я взоры медленно вознесъ
И милостиво дерзостнымъ отвѣтилъ:
— Скажите мнѣ, ужель разуменъ песъ,
Который воетъ, если мѣсяцъ свѣтелъ?

— Ужели вамъ допрашивать меня,
Меня, кому единое мгновенье
Весь срокъ отъ перваго земного дня
До огненнаго свѣтопреставленья?

— Меня, кто, словно древо Игдразиль,
Проросъ главою семью семь вселенныхъ,
И для очей котораго, какъ пыль,
Поля земныя и поля блаженныхъ?

— Я тотъ, кто спитъ, и кроетъ глубина
Его невыразимое прозванье:
А вы, вы только слабый отсвѣтъ сна,
Бѣгущаго на днѣ его сознанья!

КАНЦОНА ПЕРВАЯ

Закричалъ громогласно
Въ сине-черную сонь
На дворѣ моемъ красный
И пернатый огонь.

Вѣтеръ милый и вольный,
Прилетѣвшій съ луны,
Хлещетъ дерзко и больно
По щекамъ тишины.

И, вступая на кручи,
Молодая заря
Кормитъ жадныя тучи
Ячменемъ янтаря.

Въ этотъ часъ я родился,
Въ этотъ часъ и умру,
И зато мнѣ не снился
Путь ведущій къ добру.

И уста мои рады
Цѣловать лишь одну,
Ту, съ которой не надо
Улетать въ вышину.

КАНЦОНА ВТОРАЯ

И совсѣмъ не въ мірѣ мы, а гдѣ-то
На задворкахъ міра средь тѣней,
Сонно перелистываетъ лѣто
Синія страницы ясныхъ дней.

Маятникъ старательный и грубый,
Времени непризнанный женихъ,
Заговорщицамъ секундамъ рубитъ
Головы хорошенькія ихъ.

Такъ пыльна здѣсь каждая дорога,
Каждый кустъ такъ хочетъ быть сухимъ,
Что не приведетъ единорога
Подъ уздцы къ намъ бѣлый серафимъ.

И въ твоей лишь сокровенной грусти,
Милая, есть огненный дурманъ,
Что въ проклятомъ этомъ захолустьи
Точно вѣтеръ изъ далекихъ странъ.

Тамъ гдѣ все сверканье, все движенье,
Пѣнье все, — мы тамъ съ тобой живемъ
Здѣсь же только наше отраженье
Полонилъ гніющій водоемъ.

ПОДРАЖАНЬЕ ПЕРСИДСКОМУ

Изъ-за словъ твоихъ, какъ соловьи,
Изъ-за словъ твоихъ, какъ жемчуга,
Звѣри дикіе — слова мои,
Шерсть на нихъ, клыки у нихъ, рога.

Я вѣдь безумнымъ сталъ, красавица.

Ради щекъ твоихъ, ширазскихъ розъ,
Краску щекъ моихъ утратилъ я,
Ради золотыхъ твоихъ волосъ
Золото мое разсыпалъ я.

Нагимъ и голымъ сталъ, красавица.

Для того, чтобъ посмотрѣть хоть разъ,
Бирюза — твой взоръ, или бериллъ,
Семь ночей не закрывалъ я глазъ,
Отъ дверей твоихъ не отходилъ.

Съ глазами полными крови сталъ, красавица.

Оттого что дома ты всегда,
Я не выхожу изъ кабака,
Оттого что честью ты горда,
Тянется къ ножу моя рука.

Площаднымъ негодяемъ сталъ, красавица.

Если солнце есть и вѣченъ Богъ,
То перешагнешь ты мой порогъ.

Персидская миніатюра

Когда я кончу наконецъ
Игру въ cache-cache со смертью хмурой,
То сдѣлаетъ меня Творецъ
Персидскою миніатюрой.

И небо, точно бирюза,
И принцъ, поднявшій еле-еле
Миндалевидные глаза
На взлетъ дѣвическихъ качелей.

Съ копьемъ окровавленнымъ шахъ,
Стремящійся тропой невѣрной
На киноварныхъ высотахъ
За улетающею серной.

И ни во снѣ, ни на яву
Невиданныя туберозы,
И сладкимъ вечеромъ въ траву
Уже наклоненныя лозы.

А на обратной сторонѣ,
Какъ облака Тибета, чистой,
Носить отрадно будетъ мнѣ
Значекъ великаго артиста.

Благоухающій старикъ,
Негоціантъ или придворный,
Взглянувъ, меня полюбитъ вмигъ
Любовью острой и упорной.

Его однообразныхъ дней
Звѣздой я буду путеводной,
Вино, любовницъ и друзей
Я замѣню поочередно.

И вотъ когда я утолю,
Безъ упоенья, безъ страданья,
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Прекрасно въ насъ влюбленное вино
И добрый хлѣбъ, что въ печь для насъ садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, намъ насладиться.

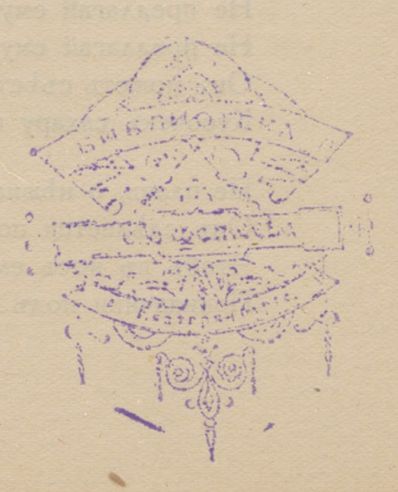
Но что намъ дѣлать съ розовой зарей
Надъ холодѣющими небесами,
Гдѣ тишина и неземной покой,
Что дѣлать намъ съ безсмертными стихами?

Ни съѣсть, ни выпить, ни поцѣловать.
Мгновеніе бѣжитъ неудержимо,
И мы ломаемъ руки, но опять
Осуждены итти все мимо, мимо.

Какъ мальчикъ, игры позабывъ свои,
Слѣдитъ порой за дѣвичьимъ купаньемъ,
И ничего не зная о любви,
Все-жъ мучится таинственнымъ желаньемъ.

Какъ нѣкогда въ разросшихся хвощахъ
Ревѣла отъ сознанія безсилья
Тварь скользкая, почуя на плечахъ
Еще не появившіяся крылья.

Такъ вѣкъ за вѣкомъ — скоро ли, Господь?
Подъ скальпелемъ природы и искусства
Кричитъ нашъ духъ, изнемогаетъ плоть,
Рождая органъ для шестого чувства.

СЛОНЕНОКЪ

Моя любовь къ тебѣ сейчасъ — слоненокъ,
Родившійся въ Берлинѣ, иль Парижѣ
И топающій ватными ступнями
По комнатамъ хозяина звѣринца.

Не предлагай ему французскихъ булокъ,
Не предлагай ему кочней капустныхъ,
Онъ можетъ съѣсть лишь дольку мандарина,
Кусочекъ сахару или конфету.

Не плачь, о нѣжная, что въ тѣсной клѣткѣ
Онъ сдѣлается посмѣяньемъ черни,
Чтобъ въ носъ ему пускали дымъ сигары
Приказчики подъ хохотъ мидинетокъ

Не думай, милая, что день настанетъ,
Когда, взбѣсившись, разорветъ онъ цѣпи
И побѣжитъ по улицамъ и будетъ,
Какъ автобусъ, давить людей вопящихъ.

Нѣтъ, пусть тебѣ приснится онъ подъ утро
Въ парчѣ и мѣди, въ страусовыхъ перьяхъ,
Какъ тотъ, великолѣпный, что когда-то
Несъ къ трепетному Риму Ганнибала.

ЗАБЛУДИВШІЙСЯ ТРАМВАЙ

Шелъ я по улицѣ незнакомой
И вдругъ услышалъ вороній грай,
И звоны лютни, и дальніе громы,
Передо мною летѣлъ трамвай.

Какъ я вскочилъ на его подножку,
Было загадкою для меня,
Въ воздухѣ огненную дорожку
Онъ оставлялъ и при свѣтѣ дня.

Мчался онъ бурей темной, крылатой,
Онъ заблудился въ безднѣ временъ....
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчасъ вагонъ.

Поздно. Ужѣ мы обогнули стѣну,
Мы проскочили сквозь рощу пальмъ,
Черезъ Неву, черезъ Нилъ и Сену
Мы прогремѣли по тремъ мостамъ.

И, промелькнувъ у оконной рамы,
Бросилъ намъ вслѣдъ пытливый взглядъ
Нищій старикъ, — конечно тотъ самый,
Что умеръ въ Бейрутѣ годъ назадъ.

Гдѣ я? Такъ томно и такъ тревожно
Сердце мое стучитъ въ отвѣтъ:
Видишь вокзалъ, на которомъ можно
Въ Индію Духа купить билетъ.

Вывѣска... кровью налитыя буквы
Гласятъ — зеленная, — знаю, тутъ
Вмѣсто капусты и вмѣсто брюквы
Мертвыя головы продаютъ.

Въ красной рубашкѣ, съ лицомъ какъ вымя,
Голову срѣзалъ палачъ и мнѣ,
Она лежала вмѣстѣ съ другими
Здѣсь въ ящикѣ скользкомъ, на самомъ днѣ.

А въ переулкѣ заборъ дощатый,
Домъ въ три окна и сѣрый газонъ . . .
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчасъ вагонъ.

Машенька, ты здѣсь жила и пѣла,
Мнѣ, жениху коверъ ткала,
Гдѣ же теперь твой голосъ и тѣло,
Можетъ ли быть, что ты умерла!

Какъ ты стонала въ своей свѣтлицѣ,
Я же съ напудренною косой
Шелъ представляться Императрицѣ,
И не увидѣлся вновь съ тобой.

Понялъ теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющій свѣтъ,
Люди и тѣни стоятъ у входа
Въ зоологическій садъ планетъ.

И сразу вѣтеръ знакомый и сладкій,
И за мостомъ летитъ на меня
Всадника длань въ желѣзной перчаткѣ
И два копыта его коня.

Вѣрной твердынею православья
Врѣзанъ Исакій въ вышинѣ,
Тамъ отслужу молебенъ о здравьи
Машеньки и панихиду по мнѣ.

И все-жъ навѣки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думалъ,
Что можно такъ любить и грустить.

ОЛЬГА

Эльга, Эльга! — звучало надъ полями,
Гдѣ ломали другъ другу крестцы
Съ голубыми, свирѣпыми глазами
И жилистыми руками молодцы.

Ольга, Ольга! — вопили древляне
Съ волосами, желтыми, какъ медъ,
Выцарапывая въ раскаленной банѣ
Окровавленными ногтями ходъ.

И за дальними морями чужими
Не уставала звенѣть,
То же звонкое вызванивая имя,
Варяжская сталь въ византійскую мѣдь.

Всѣ забылъ я, что помнилъ ране
Христіанскія имена,
И твое лишь имя, Ольга, для моей гортани
Слаще самаго стараго вина.

Годъ за годомъ все неизбѣжнѣй
Запѣваютъ въ крови вѣка,
Опьяненъ я тяжестью прежней
Скандинавскаго костяка.

Древнихъ ратей воинъ отсталый,
Къ этой жизни затая вражду,
Сумасшедшихъ сводовъ Валгаллы,
Славныхъ битвъ и пировъ я жду.

Вижу черепъ съ брагой хмельною,
Бычьи розовые хребты,
И валькиріей надо мною
Ольга, Ольга, кружишь ты.

У ЦЫГАНЪ

Толстый, качался онъ, какъ въ дурманѣ,
Зубы блестѣли изъ-подъ хищныхъ усовъ,
На ярко красномъ его доломанѣ
Сплетались узлы золотыхъ шнуровъ.

Струна... и гортанный вопль... и сразу
Сладостно такъ заныла кровь моя,
Такъ убѣдительно повѣрилъ я разсказу
Про иные, родные мнѣ края.

Вѣщія струны — это жилы бычьи,
Но горькой травой питались быки,
Гортанный голосъ — жалобы дѣвичьи
Изъ-подъ зажимающей ротъ руки.

Пламя костра, пламя костра, колонны
Красныхъ стволовъ и оглушитель гикъ,
Ржавые листья топчетъ гость влюбленный,
Кружащійся въ толпѣ бенгальскій тигръ.

Капли крови текутъ съ усовъ колючихъ,
Томно ему, онъ сытъ, онъ опьянѣлъ,
Ахъ, здѣсь слишкомъ много бубновъ гремучихъ,
Слишкомъ много сладкихъ, пахучихъ тѣлъ.

Мнѣ ли видѣть его въ дыму сигарномъ,
Гдѣ пробки хлопаютъ, люди кричатъ,
На мокромъ столѣ чубукомъ янтарнымъ
Злого сердца отстукивающимъ тактъ?

Мнѣ, кто помнитъ его въ стругѣ алмазномъ,
На убѣгающей къ Творцу рѣкѣ,
Грозою ангеловъ и сладкимъ соблазномъ
Съ кровавой лиліей въ тонкой рукѣ?

Дѣвушка, что же ты? Вѣдь гость богатый,
Встань передъ нимъ, какъ комета въ ночи,
Сердце крылатое въ груди косматой
Вырви, вырви сердце и растопчи.

Шире, все шире, кругами, кругами
Ходи, ходи и рукой мани,
Такъ паръ вечерній плаваетъ лугами,
Когда за лѣсомъ огни и огни.

Вотъ струны-быки и слѣва и справа,
Рога ихъ — смерть, и мычанье — бѣда,
У нихъ на пастбищѣ горькія травы,
Колючій волчецъ, полынь, лебеда.

Хочетъ встать, не можетъ... кремень зубчатый,
Зубчатый кремень, какъ гортанный крикъ,
Подъ бархатной лапой, грозно подъятой,
Въ его крылатое сердце проникъ.

Рухнулъ грудью, путая аксельбанты,
Уже не пить, не смотрѣть нельзя,
Засуетились официанты,
Пьянаго гостя унося.

Что-жъ, господа, половина шестого?
Счетъ, Асмодей, намъ приготовь!
Дѣвушка, смѣясь, съ полосы кремневой
Узкимъ язычкомъ слизываетъ кровь.

ПЬЯНЫЙ ДЕРВИШЪ

Соловьи на кипарисахъ и надъ озеромъ луна,
Камень черный, камень бѣлый, много выпилъ я вина,
Мнѣ сейчасъ бутылка пѣла громче сердца моего:
Міръ лишь лучъ отъ лика друга, все иное тѣнь его!

Виночерпія взлюбилъ я не сегодня, не вчера,
Не вчера и не сегодня пьяный съ самаго утра.
И хожу и похваляюсь, что узналъ я торжество:
Міръ лишь лучъ отъ лика друга, все иное тѣнь его!

Я бродяга и трущобникъ, непутевый человѣкъ,
Все, чему я научился, все забылъ теперь навѣкъ,
Ради розовой усмѣшки и напѣва одного:
Міръ лишь лучъ отъ лика друга, все иное тѣнь его!

Вотъ иду я по могиламъ, гдѣ лежатъ мои друзья,
О любви спросить у мертвыхъ неужели мнѣ нельзя?
И кричитъ изъ ямы черепъ тайну гроба своего:
Мiръ лишь лучъ отъ лика друга, все иное тѣнь его!

Подъ луною всколыхнулись въ дымномъ озерѣ
струи,
На высокихъ кипарисахъ замолчали соловьи,
Лишь одинъ запѣлъ такъ громко, тотъ, не пѣвшiй
ничего:
Мiръ лишь лучъ отъ лика друга, все иное тѣнь его!

ЛЕОПАРДЪ

Если убитому леопарду не опалить немедленно усовъ, духъ его будетъ преслѣдовать охотника.

Абиссинское повѣрье.

Колдовствомъ и ворожбою
Въ тишинѣ глухихъ ночей
Леопардъ, убитый мною,
Занятъ въ комнатѣ моей.

Люди входятъ и уходятъ,
Позже всѣхъ уходитъ та,
Для которой въ жилахъ бродитъ
Золотая темнота.

Поздно. Мыши засвистѣли,
Глухо крякнулъ домовой,
И мурлычитъ у постели
Леопардъ, убитый мной.

— По ущельямъ Добробрана
Сизый плаваетъ туманъ,
Солнце красное, какъ рана,
Озарило Добробранъ.

— Запахъ меда и вервены
Вѣтеръ гонитъ на востокъ,
И ревутъ, ревутъ гіены,
Зарывая носъ въ песокъ.

— Братъ мой, братъ мой, ревы слышишь,
Запахъ чуешь, видишь дымъ?
Для чего-жъ тогда ты дышишь
Этимъ водухомъ сырымъ?

— Нѣтъ, ты долженъ, мой убійца,
Умереть въ странѣ моей,
Чтобъ я снова могъ родиться
Въ леопардовой семьѣ. —

Неужели до разсвѣта
Мнѣ ловить лукавый зовъ?
Ахъ, не слушалъ я совѣта,
Не спалилъ ему усовъ.

Только поздно! Вражья сила
Одолѣла и близка:
Вотъ затылокъ мнѣ сдавила,
Точно мѣдная, рука...

Пальмы... съ неба страшный пламень
Жжетъ песчаный водоемъ...
Данакиль припалъ за камень
Съ пламенѣющимъ копьемъ.

Онъ не знаетъ и не спроситъ,
Чѣмъ душа моя горда,
Только душу эту броситъ,
Самъ не вѣдая куда.

И не въ силахъ я бороться,
Я спокоенъ, я встаю,
У жирафьяго колодца
Я окончу жизнь мою.

МОЛИТВА МАСТЕРОВЪ

Я помню древнюю молитву мастеровъ:
Храни насъ, Господи, отъ тѣхъ учениковъ,

Которые хотятъ, чтобъ нашъ убогій геній
Кощунственно искалъ все новыхъ откровеній.

Намъ можетъ нравиться прямой и честный врагъ,
Но эти каждый нашъ выслѣживаютъ шагъ,

Ихъ радуетъ, что мы въ бореніи, покуда
Петръ отрекается и предаетъ Іуда.

Лишь небу вѣдомы предѣлы нашихъ силъ,
Потомствомъ взвѣсится, кто сколько утаилъ,

Что создадимъ мы впредь, на это власть Господня,
Но что мы создали, то съ нами посегодня.

Всѣмъ оскорбителямъ мы говоримъ привѣтъ,
Превозносителямъ мы отвѣчаемъ — нѣтъ!

Упреки льстивые и гулъ молвы хвалебный
Равно для творческой святыни не потребны,

Вамъ стыдно мастера дурманить беленой,
Какъ карфагенскаго слона передъ войной.

ПЕРСТЕНЬ

Уронила дѣвушка перстень
Въ колодецъ, въ колодецъ ночной,
Простираетъ легкіе персты
Къ холодной водѣ ключевой.

— Возврати мой перстень, колодецъ,
Въ немъ красный, цейлонскій рубинъ,
Что съ нимъ будетъ дѣлать народецъ
Тритоновъ и мокрыхъ ундинъ? —

Въ глубинѣ вода потемнѣла,
Послышался ропотъ и гамъ:
— Теплотою живого тѣла
Твой перстень понравился намъ. —

— Мой женихъ изнемогъ отъ муки,
И будетъ онъ въ водную гладь
Погружать горячія руки,
Горячія слезы ронять. —

Надъ водой показались рожи
Тритоновъ и мокрыхъ ундинъ:
— Съ человѣческой кровью схожій
Понравился намъ твой рубинъ. —

— Мой женихъ, онъ живетъ съ молитвой,
Съ молитвой одной о любви,
Попрошу, и стальною бритвой
Откроетъ онъ вены свои. —

— Перстень твой навѣрно цѣлебный,
Что ты молишь его съ тоской,
Выкупаешь такой волшебной
Цѣной, любовью мужской. —

— Просто золото краше тѣла
И рубины краснѣй, чѣмъ кровь,
И донынѣ я не умѣла
Понять, что такое любовь. —

Дѣва-птица

Пастухъ веселый
Поутру рано
Выгналъ коровъ въ тѣнистые долы
Броселіаны.

Паслись коровы,
И пѣсню своихъ веселій
На тростниковой
Игралъ онъ свирѣли.

И вдругъ за вѣтвями
Послышался голосъ, какъ будто не птичій,
Онъ видитъ птицу, какъ пламя,
Съ головкой милой, дѣвичьей.

Прерывно пѣнье,
Такъ плачетъ во снѣ младенецъ,
Въ черныхъ глазахъ томленье,
Какъ у восточныхъ плѣнницъ.

Пастухъ дивится
И смотритъ зорко:
Такая красивая птица,
А стонетъ такъ горько. —

Ея отвѣту
Онъ внемлетъ смущенный:
— Мнѣ подобныхъ нѣту
На землѣ зеленой.

— Хоть мальчикъ-птица,
Исполненный дивныхъ желанiй,
И долженъ родиться
Въ Бросельянѣ,

Но злая
Судьба намъ не дастъ наслажденья,
Подумай, пастухъ, должна я
Умереть до его рожденья.

— И вотъ, мнѣ не любы
Ни солнце, ни мѣсяцъ высокій,
Никому не нужны мои губы
И блѣдныя щеки.

— Но всего мнѣ жальче,
Хоть и всего дороже,
Что птица-мальчикъ
Будетъ печальнымъ тоже.

— Онъ станетъ порхать по лугу,
Садиться на вязы эти
И звать подругу,
Которой ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

— Пастухъ, ты навѣрно грубый,
Ну что-жъ, я терпѣть умѣю,
Подойди, поцѣлуй мои губы
И хрупкую шею.

— Ты юнъ, захочешь жениться,
У тебя будутъ дѣти,
И память о дѣвѣ-птицѣ
Долетитъ до иныхъ столѣтій. —

Пастухъ вдыхаетъ запахъ
Кожи, солнцемъ нагрѣтой,
Слышитъ, на птичихъ лапахъ
Звенятъ золотые браслеты.

Вотъ уже онъ въ изступленьи,
Что дѣлаетъ, самъ не знаетъ,
Загорѣлыя его колѣни
Красныя перья попираютъ.

Только разъ застонала птица,
Разъ одинъ застонала,
И въ груди ея сердце биться
Вдругъ перестало.

Она не воскреснетъ,
Глаза помутнѣли,
И грустныя пѣсни
Надъ нею играетъ пастухъ на свирѣли.

Съ вечерней прохладой
Встаютъ сѣдые туманы,
И гонитъ онъ къ дому стадо
Изъ Броселіаны.

МОИ ЧИТАТЕЛИ

Старый бродяга въ Адисъ-Абебѣ,
Покорившій многія племена,
Прислалъ ко мнѣ чернаго копьеносца
Съ привѣтомъ, составленнымъ изъ моихъ стиховъ.
Лейтенантъ, водившій канонерки
Подъ огнемъ непріятельскихъ батарей,
Цѣлую ночь надъ южнымъ моремъ
Читалъ мнѣ на память мои стихи.
Человѣкъ, среди толпы народа
Застрѣлившій императорскаго посла,
Подошелъ пожать мнѣ руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Много ихъ, сильныхъ, злыхъ и веселыхъ,
Убивавшихъ слоновъ и людей,

Умиравшихъ отъ жажды въ пустынѣ,
Замерзавшихъ на кромкѣ вѣчнаго льда,
Вѣрныхъ нашей планетѣ,
Сильной, веселой и злой,
Возятъ мои книги въ сѣдельной сумкѣ,
Читаютъ ихъ въ пальмовой рощѣ,
Забываютъ на тонущемъ кораблѣ.

Я не оскорбляю ихъ неврастеніей,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоѣдаю многозначительными намеками
На содержимое выѣденнаго яйца.
Но когда вокругъ свищутъ пули,
Когда волны ломаютъ борта,
Я учу ихъ, какъ не бояться,
Не бояться и дѣлать, что надо.
И когда женщина съ прекраснымъ лицомъ,
Единственно дорогимъ во вселенной,
Скажетъ: я не люблю васъ —
Я учу ихъ, какъ улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придетъ ихъ послѣдній часъ,
Ровный, красный туманъ застелетъ взоры,
Я научу ихъ сразу припомнить

Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представъ передъ ликомъ Бога
Съ простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно его суда.

ЗВѢЗДНЫЙ УЖАСЪ

Это было золотою ночью,
Золотою ночью, но безлунной,
Онъ бѣжалъ, бѣжалъ черезъ равнину,
На колѣни падалъ, поднимался,
Какъ подстрѣленный метался заяцъ,
И горячія струились слезы,
По щекамъ морщинами изрытымъ,
По козлиной старческой бородкѣ.
А за нимъ его бѣжали дѣти,
А за нимъ его бѣжали внуки,
И въ шатрѣ изъ небѣленой ткани
Брошенная правнучка визжала.

— Возвратись, — ему кричали дѣти,
И ладони складывали внуки,

— Ничего худого не случилось,
Овцы не наѣлись молочая,
Дождь огня священнаго не залилъ,
Ни косматый левъ, ни зендъ жестокій
Къ нашему шатру не подходили. —

Черная предъ нимъ чернѣла круча,
Старый кручи въ темнотѣ не видѣлъ,
Рухнулъ такъ, что затрещали кости,
Такъ, что чуть души себѣ не вышибъ.
И тогда еще ползти пытался,
Но его уже схватили дѣти,
За полы придерживали внуки,
И такое онъ имъ молвилъ слово:

— Горе! Горе! Страхъ, петля и яма
Для того, кто на землѣ родился,
Потому что столькими очами
На него взираетъ съ неба черный,
И его высматриваетъ тайны.
Этой ночью я заснулъ, какъ должно,
Обернувшись шкурой, носомъ въ землю,
Снилась мнѣ хорошая корова
Съ выменемъ отвислымъ и раздутымъ,

Подъ нее подползъ я, поживиться
Молокомъ парнымъ, какъ ужъ, я думалъ,
Только вдругъ она меня лягнула,
Я перевернулся и проснулся:
Былъ безъ шкуры я и носомъ къ небу.
Хорошо еще, что мнѣ вонючка
Правый глазъ поганымъ сокомъ выжгла,
А не то, гляди я въ оба глаза,
Мертвымъ бы остался я на мѣстѣ.
Горе! Горе! Страхъ, петля и яма
Для того, кто на землѣ родился. —

Дѣти взоры опустили въ землю,
Внуки лица спрятали локтями,
Молчаливо ждали всѣ, что скажетъ
Старшій сынъ съ сѣдою бородою,
И такое тотъ промолвилъ слово:

— Съ той поры, что я живу, со мною
Ничего худого не бывало,
И мое выстукиваетъ сердце,
Что и впредь худого мнѣ не будетъ,
Я хочу обоими глазами
Посмотрѣть, кто это бродитъ въ небѣ. —

Вымолвилъ и сразу легъ на землю,
Не ничкомъ на землю легъ, спиною,
Всѣ стояли, затаивъ дыханье,
Слушали и ждали очень долго.
Вотъ старикъ спросилъ, дрожа отъ страха:
— Что ты видишь? — но отвѣта не далъ
Сынъ его съ сѣдою бородою.
И когда надъ нимъ склонились братья,
То увидѣли, что онъ не дышитъ,
Что лицо его, темнѣе мѣди,
Исковеркано руками смерти.

Ухъ, какъ женщины заголосили,
Какъ заплакали, завыли дѣти,
Старый бороденку дергалъ, хрипло
Страшныя проклятья выкликая.
На ноги вскочили восемь братьевъ,
Крѣпкихъ мужей, ухватили луки,
— Выстрѣлимъ — они сказали — въ небо,
И того, кто бродитъ тамъ, подстрѣлимъ...
Что намъ это за напасть такая? —
Но вдова умершаго вскричала:
— Мнѣ отмщенье, а не вамъ отмщенье!
Я хочу лицо его увидѣть,

Горло перервать ему зубами,
И когтями выцарапать очи. —

Крикнула и брякнулась на землю,
Но глаза зажмуривши, и долго
Про себя шептала заклинанья,
Грудь рвала себѣ, кусала пальцы.
Наконецъ взглянула, усмѣхнулась
И закуковала, какъ кукушка:

— Линъ, зачѣмъ ты къ озеру? Линойя,
Хороша печонка антилопы?
Дѣти, у кувшина носъ отбился,
Вотъ я васъ! Отецъ, вставай скорѣе,
Видишь, зенды съ вѣтками омелы
Тростниковыя корзины тащутъ,
Торговать они идутъ, не биться.
Сколько здѣсь огней, народа сколько!
Собралось все племя... славный праздникъ! —

Старый успокаиваться началъ,
Трогать шишки на своихъ колѣняхъ,
Дѣти луки опустили, внуки
Осмѣлѣли, даже улыбнулись.

Но когда лежавшая вскочила
На ноги, то всѣ позеленѣли,
Всѣ вспотѣли даже отъ испуга:
Черная, но съ бѣлыми глазами,
Яростно она металась, воя:
— Горе! Горе! Страхъ, петля и яма!
Гдѣ я? Что со мною? Красный лебедь
Гонится за мной... Драконъ трехглавый
Крадется... Уйдите, звѣри, звѣри!
Ракъ не тронь! Скорѣй отъ козерога! —

И когда она все съ тѣмъ же воемъ,
Съ воемъ обезумѣвшей собаки,
По хребту горы помчалась къ безднѣ,
Ей никто не побѣжалъ вдогонку.

Смутные къ шатрамъ вернулись люди,
Сѣли вкругъ на скалы и боялись.
Время шло къ полуночи. Гіена
Ухнула и сразу замолчала.
И сказали люди: — Тотъ, кто въ небѣ,
Богъ иль звѣрь, онъ вѣрно хочетъ жертвы.
Надо принести ему телицу
Непорочную, отроковицу,

На которую досель мужчина
Не смотрѣлъ ни разу съ вожделѣньемъ.
Умеръ Гаръ, сошла съ ума Гарайя,
Дочери ихъ только восемь весенъ,
Можетъ быть она и пригодится. —

Побѣжали женщины и быстро
Притащили маленькую Гарру,
Старый поднялъ свой топоръ кремневый,
Думалъ — лучше продолбить ей темя,
Прежде чѣмъ она на небо взглянетъ,
Внучка вѣдь она ему, и жалко. —
Но другіе не дали, сказали:
— Что за жертва съ теменемъ долбленнымъ?

Положили дѣвочку на камень,
Плоскій, черный камень, на которомъ
До сихъ поръ пылалъ огонь священный,
Онъ погасъ во время суматохи.
Положили и склонили лица,
Ждали, вотъ она умретъ, и можно
Будетъ всѣмъ пойти заснуть до солнца.

Только дѣвочка не умирала,
Посмотрѣла вверхъ, потомъ направо,

Гдѣ стояли братья, послѣ снова
Вверхъ и захотѣла спрыгнуть съ камня.
Старый не пустилъ, спросилъ: — что видишь? —
И она отвѣтила съ досадой:
— Ничего не вижу. Только небо
Вогнутое, черное, пустое,
И на небѣ огоньки повсюду,
Какъ цвѣты весною на болотѣ. —
Старый призадумался и молвилъ:
— Посмотри еще! — И снова Гарра
Долго, долго на небо смотрѣла.
— Нѣтъ, — сказала, — это не цвѣточки,
Это просто золотые пальцы
Намъ показываютъ на равнину,
И на море и на горы зендовъ,
И показываютъ, что случилось,
Что случается и что случится. —

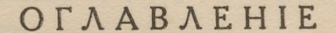
Люди слушали и удивлялись:
Такъ не то что дѣти, такъ мужчины
Говорить донынѣ не умѣли,
А у Гарры пламенѣли щеки,
Искрились глаза, алѣли губы,
Руки поднимались къ небу, точно

Улетѣть она хотѣла въ небо,
И она запѣла вдругъ такъ звонко,
Словно вѣтеръ въ тростниковой чащѣ,
Вѣтеръ съ горъ Ирана на Евфратѣ.

Меллѣ было восемнадцать весенъ,
Но она не вѣдала мужчины,
Вотъ она упала рядомъ съ Гаррой,
Посмотрѣла и запѣла тоже.
А за Меллой Аха, и за Ахой
Уррь, ея женихъ, и вотъ все племя
Полегло, и пѣло, пѣло, пѣло,
Словно жаворонки жаркимъ полднемъ,
Или смутнымъ вечеромъ лягушки.

Только старый отошелъ въ сторонку,
Зажимая уши кулаками,
И слеза катилась за слезою
Изъ его единственнаго глаза.
Онъ свое оплакивалъ паденье
Съ кручи, шишки на своихъ колѣняхъ,
Гара, и вдову его и время
Прежнее, когда смотрѣли люди
На равнину, гдѣ паслось ихъ стадо,

На воду, гдѣ пробѣгалъ ихъ парусъ,
На траву, гдѣ ихъ играли дѣти,
А не въ небо черное, гдѣ блещутъ
Недоступныя, чужія звѣзды.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОГЛАВЛЕНІЕ

ИЗДАНІЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПЕТРОПОЛИСЪ“

—

АННА АХМАТОВА
ПОДОРОЖНИКЪ

—

АННА АХМАТОВА
ANNO DOMINI XXI

—

М. КУЗМИНЪ
ВТОРНИКЪ МЭРИ

—

М. КУЗМИНЪ
НЕЗДѢШНІЕ ВЕЧЕРА

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

СЕМЬ ЛЮБОВНЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ

Переводъ М. Кузмина
Рис. Д. И. Митрохина

—

Н. ГУМИЛЕВЪ

ОГНЕННЫЙ СТОЛПЪ

Первое изданіе

—

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

САДЫ

—

В. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ

ЗОЛОТОЕ ВЕРЕТЕНО

Ѳ. СОЛОГУБЪ

СВИРѢЛЬ

—

Г. АДАМОВИЧЪ

ЧИСТИЛИЩЕ

—

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ

TRISTIA

—

БЕНЪ ДЖОНСОНЪ

МОЛЧАЛИВАЯ ЖЕНЩИНА
ИЛИ
ЭПИСИНЪ

Переводъ Е. и Р. Блохъ, вступ. статья Я. Н. Блоха, режиссерскія указанія С. К. Боянуса, рис. Рыкова

ЛЕКОНТЪ ДЕ ЛИЛЬ

ЭРИНІИ

Переводъ и вступительная статья М. Л. Лозинскаго, режиссерскія указанія В. Н. Соловьева, рис. Головина

—

Н. ЕВРЕИНОВЪ

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ДРАМЫ

—

ВСЕВОЛОДЪ ВОИНОВЪ

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ Д. И. МИТРОХИНА

—

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

Подъ редакціей Д. И. Митрохина, П. И. Нерадовскаго и А. К. Соколовскаго

Отпечатано
въ типографіи
Зинабургъ и Ко. въ Берлинѣ
въ 1922 году
для издательства
„Петрополисъ“

II-Б-2

Марка изд-ва работы
М. Добужинского

C. Antikv.
20,—

5-44
11.91

173600-